

ИВАН ГАВРИЛЕНКО,

доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, член научно-методической комиссии по социологии Министерства образования и науки Украины

ЮРИЙ ЯКОВЕНКО,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, член научно-методической комиссии по социологии Министерства образования и науки Украины

На тернистом пути к образцовому учебному пособию
Размышления над книгой

Соціологія: Навч. посібник / За редакцією С.О.Макеєва. — К., 1999. — 344 с.

Наконец-то... Пожалуй, с этого слова следует начать наши рассуждения по поводу указанного выше учебного пособия. Итак, наконец наши студенты получили такое отечественное пособие, авторы которого основательно владеют предметом каждого раздела не только благодаря теоретическому осмыслению других книг, но и как ученые, долгое время сами работавшие в соответствующих направлениях. И потому весьма конкретно знают специфику функционирования в отечественных реалиях определенных фрагментов социальной материи. Вне сомнения, авторскому коллективу присущ высокий профессионализм, компетентность, эрудиция, которая, в частности, обусловила необходимую простоту предлагаемых текстов, доступность для студентов. Что же касается отдельных разделов, то в большинстве случаев в пределах каждого из них прослеживается внутренняя логика, концептуальная упорядоченность материала, прекрасное знание предмета анализа, разнообразных источников отечественных и зарубежных специалистов.

Тираж в тысячу экземпляров, по-видимому, не может полностью удовлетворить потребность в таком пособии украинских студентов и преподавателей. Об этом, в частности, свидетельствует спрос среди студентов отделения социологии КНУ им.Т.Шевченко на эту книгу во время зимней экзаменационной сессии нового, 2000 года. Поэтому уже сейчас следует готовиться ко второму изданию, в котором следует учесть пожелания читателей первого издания, в том числе авторов данного отзыва.

Таким образом, положительно оценив книгу в целом, мы, собственно говоря, приступаем не к перманентному одобрению каждого раздела пособия (ибо высокий научный уровень текстов считаем вполне очевидным, а посему это достойное всяческого одобрения обстоятельство уже не требует пространных комментариев с нашей стороны), но попытаемся выявить те немногие “белые пятна”, которые надлежит раскрыть при дальнейшей работе. К сожалению, первым делом известное беспокойство вызывает общая концепция, некоторая тематическая суженность и структура пособия. Будучи причастны к работе научно-методической комиссии по социологии Министерства образования и науки Украины, считаем целесообразным воспользоваться страницами ведущего в Украине социологического журнала, чтобы высказать некоторые свои соображения и тем самым помочь также авторам последующих текстов, претендующих на статус учебного пособия.

Когда в качестве названия пособия избирают название науки, то это очень ответственное решение, ведь содержание книги должно представлять либо всю современную структуру социологического знания (это программа-максимум), либо программу курса учебной дисциплины “Социология” (это программа-минимум). Но не в том виде, “как она излагается в высших учебных заведениях Украины и в других странах” (цитата из аннотации данного пособия), а в виде программы нормативного курса, утвержденного соответствующим государственным субъектом. Разумеется, реализовать программу-минимум тоже сложно, и вынуждены признать с сожалением, что авторскому коллективу не удалось полностью достичь этой цели.

Поскольку журнал регулярно предоставляет слово представителям преподавательского состава социологического сообщества Украины, в подтверждение нашей позиции воспользуемся тезисами В.Г.Городяненко¹ о том, что: а) период дефицита социологической литературы завершается, и потому приходит время серьезной социологической саморефлексии как вообще, так и по поводу учебных пособий; б) часть учебной литературы представляют собой публикации, не отвечающие в должной мере ни содержанию программы курса “Социология”, ни основным требованиям к учебному пособию. Однако обо всем по порядку, согласно разделам книги.

Раздел 1 посвящен социологии как общественной и гуманитарной науке, становлению и уточнению ее предмета и общей панораме ее современного состояния. Изложение истории социологии, как правило, строится на рассмотрении результатов деятельности основных научных школ. Это отвечает логике курса основ социологии и дает читателю возможность приступить к усвоению довольно разнообразной картины эволюции науки, зафиксировать как узловые вопросы проблемного поля, так и основные теоретические подходы к их разработке, поскольку именно вокруг них происходит развитие мировой социологической мысли. Например, в некоторых известных нам пособиях сначала рассматривают отдельно основные школы макросоциологии и микросоциологии, а потом переходят к попыткам построения интегративной социологической теории.

Автор первого раздела отнюдь не избегает этих аспектов, однако они скорее просто обозначены, по-видимому, с тем, чтобы в дальнейшем стать узлами кристаллизации собственной мысли каждого читателя. Отметим прекрасный стиль изложения — легкий и прозрачный, близкий к эссеистике. Этот раздел выполняет

¹ См.: *Городяненко В.* Учебная социологическая литература // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 4. — С.123–134.

функцию более или менее развернутого обобщающего введения, но в силу ограниченности объема, пожалуй, не может не быть фрагментарным (например, основные концепции микросоциологии изложены в других разделах — седьмом и восьмом).

В параграфе 1 “Становление предмета социологии”, учитывая заявленный статус учебного пособия, было бы целесообразно дать четко сформулированную дефиницию предмета социологии, а не ограничиваться очерчиванием ее проблематики. Обзор общей панорамы современной социологии в параграфе 2 тоже не завершается каким-либо обобщающим выводом. В качестве такового в данном случае можно использовать слова из книги (см. разд. 1, с. 12) современного социолога Э.Гидденса, автора популярного в Европе учебника по социологии: “социология — это наука о социальных институтах индустриальных обществ”. Но проблематика социальных институтов как в зарубежной, так и в отечественной социологии еще очень далека от окончательно разработанного состояния в сравнении, скажем, с проблемами социальной структуры. К тому же, это дает более узкое видение предмета социологии как науки об обществе. Поэтому предлагаем уточнение определения, обращаясь к мысли А.Турена: социология представляет собой теорию индустриальных обществ. Оно не только короче, но и более емко. Несомненно одно — в пособии следует предложить читателю достаточно прозрачное определение социологии, кроме сугубо абстрактного — наука об обществе.

Упоминание относительно определений здесь вполне уместно, ибо в них следовало бы учесть принцип компоновки последующих разделов, четко не артикулированный авторами. Поэтому нам приходится осуществлять его реконструкцию. Укажем в этой связи, что в пособии отсутствует раздел, посвященный собственно социальным институтам. Подобное “белое пятно”, как представляется нам, не только великовато, но и недопустимо, ибо после фундаментальной монографии В.М.Быченкова “Институты” (М., 1996) или же работы киевского автора С.А.Войтовича “Социальные институты в процессе дифференциации общества” (К., 1996) вряд ли можно оправдать такой пробел. Параграф 4 раздела 5 “Социальные институты” (с.148–150) — довольно слабое утешение, ведь три страницы не могут заменить специальный раздел.

Раздел 2 посвящен классической социологии, без чего трудно представить себе начало учебного пособия. Здесь, как и в целом в данной работе, положительным моментом является информативность текста, богатство материала, в том числе касающегося украинской социологической мысли и заслуживающего введения в учебный процесс по данному предмету во всех вузах Украины. Этот раздел хорошо согласуется с разделом 9, где изложены основные направления современной социологического теоретизирования. К достоинствам его следует отнести логическую последовательность изложения, выбор безусловно значимых идей и взглядов социологов мирового уровня и их последующую трактовку. Материал структурирован и изложен таким образом, что он, по нашему мнению, будет вполне понятен и интересен для студентов учебных заведений различного уровня аккредитации.

Первый принципиальный вопрос по поводу структуры книги возникает на основании **раздела 3**, с которого начинается обсуждение уже не столько, что называется, исторического материала, сколько содержательного или предметного. Раздел посвящен культуре. Известно, что таким образом начинают многие американские учебники и учебные пособия. Но это, конечно, не догма. Поэтому в последнее время от этого правила даже зарубежные авторы отказываются¹. И в этом, пожалуй, есть смысл, поскольку начинать пособие с наиболее сложной и пока еще далеко не раскрытой в социологии комплексной проблемы не рекомендуется. В таком случае нарушается веками выработанный в педагогике дидактический прин-

¹ См., напр.: Sociology. Themes and perspectives / M. Haralambos, R. van Krieken and others. — Melbourn-Sydney, 1996.

цип продвижения от простых и более разработанных проблем к сложным и менее разработанным. Вместе с тем, изложение темы данного раздела носит не столько социологический, сколько философский, а временами культурологический или историко-теоретический характер. В частности, отсутствуют упоминания относительно социальных групп, взаимодействующих в сфере производства и потребления, так сказать, “культуроемкого” продукта, и относительно социальных организаций данной сферы (например, музеев, библиотек, театров, кино- или видеозалов и прочих подобных учреждений). Но главное — не раскрывается культура именно как социальный институт. Характерно и то, что автор избрал для написания текста реферативный стиль изложения материала, акцентируя внимание читателя на том, как культура рассматривалась в процессе эволюции общественно-политической мысли.

По нашему мнению, в дальнейшем построении пособия следовало бы в соответствии с дедуктивной логикой распределить темы примерно таким образом: культура — общество — социальная система — социальные институты — организации — группы — личность (или же индивид как составной компонент группы). Либо наоборот, если избрать индуктивный метод организации материала, разворачивая его начиная с личности (индивида). Однако данной книге как раз не свойственна такого рода очевидная, прозрачная для типичного (как мы его видим) студента логика структуры пособия.

Раздел 4, посвященный социальной структуре, весьма интересен, содержит богатый материал, но, напомним, на одобрительных оценках мы намерены останавливаться как можно меньше, поскольку речь идет о поиске конструктивных рекомендаций для нового издания. Попробуем высказать некоторые соображения относительно теоретической концептуализации раздела. Относительно расстановки акцентов в проблематике данного раздела в мировой социологии, насколько нам известно, базовым постулатом служит констатация неравенства, ибо межгрупповая стратификация ничем иным и не может быть. Поэтому главная проблема должна быть сосредоточена либо вокруг таких вопросов, как: а) интеграция (консолидация) уже разделившихся групп и б) поиск баланса или равновесия между ними (на этих вопросах акцентируют свое внимание функционалисты от Конта до Мертона), либо же вокруг конкурентного или конфликтного межгруппового взаимодействия (на что делают упор конфликтуалисты от Маркса до Турена). Однако автор данного раздела при анализе социальной структуры ограничился, а следовательно и читателя ограничил обсуждением компонентов структуры, причем главным образом на уровне классов, а что такое “статусные группы” безотносительно к классу — непонятно. Одним словом, наиболее интересное — анализ этносов, конфессий, политических наций, поселенческих, территориальных, профессиональных, гендерных, возрастных и прочих социальных групп как структурных компонентов общества — ожидается своего рассмотрения в последующих изданиях пособия.

Раздел 5 “Социальная организация и социальных институт” тоже демонстрирует, что существует значительный резерв для развития его содержания. Во-первых, в силу малого объема упомянутого выше 4 параграфа “Социальные институты” (отметим попутно, что таким важным социальным институтам, как государство, церковь, собственность, семья, образование, наука и т. п., в пособии не нашлось места). Во-вторых, типологизация социальных организаций проводится автором на основании одного-единственного критерия из всех возможных: “организации ... можно ... разделить на сформированные сознательно, рефлексивно, как бы заранее спланированные, и организации, создающиеся постепенно в процессе совместной жизнедеятельности, накопления социального опыта, когда рефлексия играет не планирующую, а скорее корректирующую роль” (с. 140). Однако, по нашему мнению, неформальных и непринудительных социальных организаций в обществе (если быть точным) не существует. Неформальными и добровольными могут быть лишь определенные социальные группы. Согласно известным нам зарубежным справочникам по социологии, социальные организации всегда представляют собой формально (а следовательно, принудительно) организованные социальные группы. Другое дело,

что уровень формализации и принудительного упорядочивания отношений в различных организациях неодинаков. Кроме того, в пределах организации имеют место формальные и неформальные отношения, принуждение и свобода действий. Но наличие неформальных отношений и добровольных инициатив в организации — момент второстепенный, не отображающий сущности организации как таковой. В конечном счете, говоря о типах организаций, автор так и не обосновал, что речь идет собственно о типологизации, а не классификации, ибо типологизация предполагает предварительное выделение системообразующих признаков сложного явления и установление сущностных связей между ними (подробнее об этом см. разд. 7, § 2).

Выше мы уже обращались к структуре разделов пособия. Относительно **раздела 6** “Массовая коммуникация” следует сказать, что он весьма опосредствованно связан и с предыдущим, и со следующим разделом. Современные социологи настойчиво говорят о наступлении “массового общества”, “массовой культуры”, о возрастании роли “массовой коммуникации”. Это объясняет актуальность соответствующих специальных монографий, но не означает, что в учебном пособии коммуникация массовая должна подменять коммуникацию социальную, без которой невозможно конституирование социальных общностей, систем или подсистем, институтов и организаций, социума как такового. Кроме того, социолога должна интересовать межличностная и межгрупповая коммуникация, а также межсубъектная и межинституциональная. Впрочем, развитие средств массовой коммуникации, бесспорно, существенно влияет на характер коммуникации определенного типа.

Что же касается содержания раздела, то для учебного пособия он неоправданно сложен и по оформлению напоминает скорее диссертационный раздел. Объясняется это, очевидно, тем, что автор излагает не столько собственно теорию, сколько историю рассмотрения проблематики массовой коммуникации. Возможно, наше замечание излишне, и преподавательский опыт автора дает основания для именно такого упорядочивания материала, но неопит (в отличие от оппонента диссертации) может и не осилить такое разнообразие мнений, подходов и точек зрения. Правда, наши замечания не касаются 3 параграфа, посвященного контент-анализу, поскольку здесь автором тщательно отработана соответствующая методика, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Раздел 7 “Личность” является наиболее структурированным (семь параграфов). Но здесь вряд ли можно что-то возразить. Четкость, ясность, прозрачность изложения материала — несомненные достоинства данного раздела. В каждом параграфе явственно прослеживается специфика социологического подхода к проблемам личности. Не секрет, что студенческие “шпаргалки”, так сказать, “отжимают” авторскую “воду”, но данный раздел не оставляет поводов для этого. Иначе обстоит дело в следующем разделе.

Что касается **раздела 8** “Повседневная жизнь”, приходится снова отметить, что его стилистика тоже близка по оформлению к диссертации, и поэтому он может оказаться труднодоступным для студентов вне специализированных факультетов. Текст его мог бы стать материалом для двух разделов в последующих изданиях пособия: историко-теоретического, где бы нашло место авторское видение парадигмы социального обмена, теории социальной драматургии и этнометодологии, и другого, уже собственно по социологии повседневной жизни.

Действительно, связь социолога с миром повседневности определяет сущностные особенности социологической методологии, которая, как это наконец уяснили обществоведы, должна отличаться от методологии естественных наук. Поэтому заслуживает всяческого одобрения включение в пособие раздела, отражающего подобную проблематику, однако в дальнейшем следует определить надлежащий его объем и место, что предполагает выработку авторским коллективом четкой концепции социологии как учебного предмета.

Раздел 9 “Основные направления современного социологического теоретизирования” было бы целесообразно представить как часть единого историко-теоретического раздела, помещенного в начале пособия. В частности, он должен содер-

жать контрольные вопросы для закрепления материала и рекомендованную литературу. Но главное, мы предлагаем включить в этот новый раздел параграф, посвященный историографическому анализу социологии, ибо сейчас это уже не столько направление научного поиска, сколько его результат. Таким образом можно достичь системного видения всего процесса эволюции социологии и задать более объективный фон для характеристики определенной научной школы и каждого ведущего социолога.

Мировая социологическая мысль показала значение историографии социологии как безотказного способа воспроизведения дисциплинарного единства науки. Следует признать, что история науки представляет собой развернутую во времени теорию, а теория есть не что иное, как застывшая на определенный момент история науки. Воспроизводя традиционный перечень имен и школ, историография демонстрирует, что “опорные конструкции” остаются незбылемыми. Большинство работ по теории социологии фактически являются толкованием ее истории, о чем свидетельствуют книги Тернера, Ритцера, Скидмора и в особенности 4-томный трактат Александра “Теоретическая логика в социологии” (1983). Поэтому следует обратить внимание на то, что таким образом, во-первых, история давит над теорией, поскольку берет на себя ее функции, а во-вторых, очень важное значение приобретает выбор репрезентативной единицы историографического анализа (классический текст, индивидуальные фигуры, национальные традиции, определенные идеи, школы, парадигмы и т. п.) с целью преодоления ограниченности традиционных классификационных схем и расширения познавательных возможностей историографии для более глубокого понимания социологического наследия.

Раздел 10 “Организация и проведение социологического исследования общественной мысли” имеет чрезвычайное значение для формирования основы знаний и навыков социолога, необходимых на эмпирическом этапе исследования, поэтому уделим ему особое внимание. Авторы книги — не только известные, но и ведущие специалисты в отечественной социологии в целом и в определенных областях ее в частности. Им принадлежат соответствующие, известные среди специалистов и популярные среди студентов публикации, которые целесообразно привлекать к работе при подготовке учебных пособий. Так, Н.В.Панина известна украинским студентам как автор книги “Технология социологического исследования”, которая уже удостоилась повторного издания. Учитывая недоступность названной книги именно в силу ее популярности, раздел 10 можно рассматривать в качестве, так сказать, ее “дублера”, поскольку в нем представлено большинство основных требований к технологическим действиям социолога при решении задач эмпирического этапа исследования в условиях отечественной практики.

Обзор методов сбора социологической информации в 1 параграфе дает читателю представление о главных достоинствах и недостатках каждого из методов. Сведения такого рода органично вплетаются в материал, относящийся к составлению проекта социологического исследования. Это трудоемкая задача, предполагающая изрядные затраты разнообразных ресурсов, о чем неопитам от социологии следует знать заранее. Далее вполне справедливо разъясняется, что программа социологического исследования является не столько формальным документом, сколько своеобразным методологическим инструментом, и это стоит еще раз подчеркнуть даже в рецензии. Так, во 2 и 3 параграфах, где речь идет о проекте и программе социологического исследования, автор обращает внимание читателей на те трудности и ограничения эмпирического исследования, которые связаны с тем, что к исследованию нередко приступают без предварительного теоретического анализа предмета, ибо социолог подчас хочет получить ответы на еще не поставленные вопросы. В тексте пространно рассматриваются факторы, определяющие специфику составления проекта исследования, в частности фактор “заказчика”, о котором мало кто из авторов упоминает в прочих пособиях.

В разделе 9 справедливо отмечалось, что предваряющие анализ теоретические построения чрезвычайно важны для конечного успеха всей исследовательской работы. К сожалению, далее в тексте (в разд. 10) отсутствуют пояснения насчет того, что все совершенно уместные авторские комментарии справедливы в пределах собственно эмпиризма как одной из четырех известных стратегий теоретизирования, отвечающих современному состоянию мировой социологии (таких, как эмпиризм, субъективизм, субстанционализм, рационализм). Это, очевидно, связано с тем, что эмпиризм является не только исторически первой, но и поныне весьма распространенной стратегией теоретизирования среди отечественных социологов¹.

Смысл нашего уточнения состоит в том, чтобы еще раз привлечь внимание всех, кого интересует совершенствование исследовательской технологии, к тому, что в мировой социологии происходит перманентная дискуссия и эволюция взглядов относительно значимости каждой стратегии теоретизирования. Советской и постсоветской социологии вследствие известных обстоятельств свойственно повторять в разработке своих технологий определенные стадии развития западной (прежде всего американской) социологии, главным образом стадии так называемого “абстрактного эмпиризма”, о недостатках которого писал еще сорок лет назад известный американский социолог Ч. Миллс. Сейчас, когда опубликован русский перевод его книги “Социологическое воображение”², можно сослаться, в частности, на его рассуждения относительно П. Лазарсфельда, который “наиболее четко и последовательно изложил сущность абстрактного эмпиризма”. Пожалуй, не случайно, как раз имя этого (и только этого) социолога названо при обсуждении возможностей и ограничений эмпирического этапа социологического исследования, назначение которого, по мнению автора, состоит либо в подтверждении, либо в отклонении исследовательских гипотез (с. 292). Центральным когнитивным моментом эмпирического исследования являются гипотезы, которые Н. В. Панина упоминает среди четырех основных взаимосвязанных элементов “программы-минимум”, однако для раскрытия их сущности ограничивается одним единственным предложением: “Гипотезы — это обоснованные предположения о факторах, определяющих характер изучаемого явления и требующие эмпирического подтверждения или опровержения” (с. 292).

Нынешним студентам незачем пассивно ждать коронации новой (отличной от эмпиризма) парадигмы теоретизирования; следует собственными усилиями внедрять в социологическую практику иные стратегии теоретизирования, ибо изменение стратегии должно придать новые специфические особенности технологии эмпирического исследования, что, в свою очередь, внесет изменения в процедуры построения научной картины социального мира. Частично это обсуждалось в разделе 8. Целесообразно было бы уделить также хотя бы один отдельный параграф методологии социологического исследования, где следовало бы увязать воедино материалы о теоретизировании и о процедурах получения эмпирической информации.

Параграф 4, о выборке, существенно проигрывает по сравнению с соответствующим разделом вышеупомянутой книги о технологии исследования, так как содержит сведения не столько о способах формирования выборки, сколько о значимых факторах решения этой задачи. Показательным примером является пункт об объеме выборки. Убеждены, что студент, даже неоднократно прочитав этот пункт, тем не менее не сможет самостоятельно сделать расчет объема выборки, отвечающего задачам того или иного массового опроса.

¹ Подробнее об этих стратегиях можно прочитать в статье: *Джонсон Т., Дандекер К., Эшюрт К.* Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. — 1993. — Т. 1. — № 1. — С. 83–105.

² См.: *Миллс Ч.* Социологическое воображение. — М., 1998.

Кроме сказанного, есть еще один аспект применения математики в социологии, очень существенный, поскольку выполняет роль фундаментального принципа, на который опирается идея выборки. Если его не обсудить, студентам вряд ли придет в голову усомниться в незыблемости научных построений, воздвигнутых на подобном основании. Следовательно, научная корректность требует хотя бы предупреждения о mine, заложенной в фундаменте, каковую представляет собой “негауссовость социальных процессов”. Из-за почти сплошного умолчания этого обстоятельства в учебных пособиях неопиты от социологии склонны отождествлять массовый социальный процесс со стохастическим потоком в математике. В социологии же отождествление индивидуальных и случайных отличий отнюдь не всегда оправданно. Индивидуальные особенности объектов, которые входят в состав массовых общественных процессов, как правило, имеют не только случайный, но и специфический (системный) характер. Природа случайностей здесь совсем иная, чем в мире природы, техники и вообще там, где речь не идет о поступках людей, об общественных отношениях. Математическая формулировка закона больших чисел, выражающая единство случайного и необходимого, в области природоведения выражает закон существования соответствующих явлений, а для общественных явлений та же самая формулировка может служить лишь аналогом, моделью. Разница здесь такая же, как между аналогией и тождеством. Как раз поэтому в области естествознания на основе математических решений возможны новые обоснованные открытия, а в общественном ведении можно лишь очертить общее направление общественного развития.

Анкету считают основным инструментом исследования, потому что с ее помощью осуществляется исследовательская коммуникация. Цель 5 параграфа состоит в том, чтобы рассмотреть главные общие требования к анкете (опросному листу), выполнение которых позволяет при работе с инструментарием избежать многих ошибок, ведущих к искажению получаемой в итоге информации. Соответственно этой цели в пособии раскрывается суть определенных требований. Краткости ради укажем лишь основные рубрики в тексте — валидность, сжатость, однозначность или неоднозначность, неопределенность понятий, неконкретность, тенденциозность, нарушение рядоположенности, неполнота множества вариантов ответа и их порядок, вопросы-фильтры, открытые вопросы и социально-демографический блок.

Можно утверждать, что каждая рекомендация или инструкция есть следствие учета определенных ошибок, имевших место в рамках соответствующей человеческой деятельности. Поэтому для дальнейшего совершенствования тех моментов технологии, которые связаны с этим материалом, необходимо учитывать то крайне важное обстоятельство, что социальную (социологическую, психологическую, педагогическую, юридическую и т. п.) информацию получают преимущественно в результате общения исследователей (или их полномочных представителей) с людьми, выступающими в роли либо респондента, либо реципиента, либо свидетеля или же обвиняемого и т. п. Причем одно из ярчайших человеческих качеств состоит в том, что каждый человек, поскольку с точки зрения системного подхода он принадлежит к так называемым “системам живого типа”, всегда реагирует на внешние факторы (на анкету также) с позиций своих интересов как общего характера, так и обусловленных текущим моментом, в частности моментом исследовательской коммуникации.

Специалистам известно, что почти 10 лет с момента публикации монографии И.А.Бутенко¹ “Анкетный опрос как общение социолога с респондентами” длится дискуссия о влиянии субъективного фактора на формирование эмпирического базиса социологии в контексте понимания анкетирования как специфической формы межчеловеческой коммуникации. Хотя проблема учета человека как формообразующего, социально-онтологического момента и в научной, и в общественной практике уже

¹ См.: Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. — М., 1989.

достаточно давно вышла на авансцену социального познания, к сожалению, в публикациях по технологии собственно социологического познания (которых и без того немного) эта проблема основательно не обсуждалась, в том числе и в данной работе.

Рассуждая по поводу данного раздела, уместно отметить на будущее, что за пределами процедур исследования общественной мысли осталось немало важных вопросов методологии и методов социологического исследования, которые следовало бы включить в последующие издания пособия.

Завершая наши размышления над книгой, еще раз подчеркнем, что развитие системы социологического образования, массовое включение курса социологии в учебные планы почти всех учебных заведений различного уровня аккредитации обуславливают насущную необходимость в дальнейшей разработке отечественных учебных пособий как по теории и истории социологии и отдельных областей социологического знания, так и по методологии и методам проведения эмпирического этапа социологического исследования. Значение трудов по социологии именно отечественных ученых чрезвычайно велико, поскольку в них представлено не только собственное видение общесоциологических понятий, теорий, методов, но и специфика их применения в условиях трансформации современного украинского общества. Выход в свет данного пособия, конечно же, не поставил точку (по крайней мере, временную) в поиске среди множества уже изданных учебных пособий по социологии для начальных курсов наилучшего, который стал бы для студентов настольной книгой при овладении данным предметом. В этом контексте укажем, что в ноябре 1999 года во время проведения 5-х харьковских социологических чтений одному из авторов этой статьи довелось принять участие в работе жюри конкурса на лучшее учебно-методическое отечественное издание за текущий год. В номинации “Лучшее учебное пособие 1999 года”, несомненно, были все основания единодушно присудить данному пособию первое место в рейтинге. Впрочем, сейчас мы обсуждаем пути совершенствования пособия.

Таким образом, было бы целесообразно прежде всего уточнить название пособия, например: “Введение в социологию” или “Основы социологии”. Большинство выделенных разделов следовало бы рассматривать как параграфы в составе трех обобщенных разделов, при условии, что введение будет достаточно подробно структурировано с тем, чтобы системно охарактеризовать становление и эволюцию социологии, предмет и структуру социологического знания и основные парадигмы. При этом, от предисловия и послесловия отказываться не стоит. Возможен такой вариант названий разделов: 1) Общество как система; 2) Социальная структура и социальные процессы; 3) Методологические и методические аспекты эмпирического этапа исследования.

Следует отметить еще одну особенность рассматриваемой книги. Как правило, в разделах отсутствуют традиционные атрибуты учебного пособия, а именно: обобщающий вывод, вопросы для закрепления материала, перечень основных терминов, рекомендованной литературы, тем для рефератов и т. п. И напоследок, еще одно предложение: при транскрипции фамилий зарубежных ученых даже среди филологов возникают споры, поэтому стоит приводить в скобках после украинского их написание на языке оригинала. Это облегчит последующий поиск текстов определенных авторов.

Все приведенное выше дает основания сделать вывод, что, во-первых, в целом учебное пособие можно одобрить и привлечь его к преподаванию социологии в вузах Украины, а во-вторых, в нем уже имеется основательный материал для образцового учебного пособия по курсу “Социология”. Поскольку возможные направления совершенствования намечены, приглашаем наших высокоуважаемых коллег к дальнейшей творческой работе!